

«Так вот она какая – гора Пикет, на которой любил сживать Василий Макарович...» – подумал я, поднимаясь на вершину, где приезжие знаменитости давали концерт. Торопясь занять место, я не заметил пропажи жены. Она с подругой шла позади. Скорее всего, обе задержались у полотен художников, торговавших своими творениями у подножия горы. А без неё я даже не знал, когда отъезжает в обратный путь наш служебный автобус, выделенный заводом для поездки своих работников в Сростки.

«Не раньше окончания концерта», – подумал я и подошёл к огромному деревянному помосту. То, что я увидел перед ним, повергло меня в ужас. Весь склон горы был так плотно усеян сидящими прямо на земле зрителями, что попасть в их число казалось просто невыносимым. Мне всё же удалось пробиться к боковому краю помоста. Бросив под себя штормовку, я встал на колени, поскольку, сидя, ничего не было видно. А как задушевно пели Евдокимов с Михайловым!

Прямо передо мной на резиновом плоту сидела семья бизнесмена. Это я понял, когда мимо сцены по маленькому клочку пустого пространства прошмыгнула девчонка в джинсах с дощечкой на заднице, привязанной верёвочками к животу возле пупка.

– Удобная вещь! – восхитился мордастый папаша семейства. – Садись в любом месте, не замараешься. Пожалуй, налажу-ка я на будущий год массовый выпуск таких дощечек. А ты, Лёля, будешь торговать ими прямо у подножия. «Бабок» заколотим уйму. Куда там художникам с их мазнёй. Хотя нет, – почесал он бритый затылок, – надо бы уже к этой зиме. Ведь и ребятишкам на них удобно кататься с го-

рок. Верно, говорю? – обратился он к отпрыску, жующему жвачку.

На сидящих на поляне напирала стоящие зрители, хотя ни тем, ни другим сцена была не видна. Перед ней щитом стояли омоновцы, а на ней, закрывая любимых артистов, – широкоплечие, солидных размеров солистки из самодеятельного ансамбля «Сударушки».

Так и не увидев толком кто выступает, я всё же узнал, что Вася Шукшин в одних сапогах, Валера Золотухин лишь в тапочках, а Саша Чёрный вообще босиком добирались с Алтая до белокаменной, чтобы отвоевать себе там место под солнцем.

После концерта, спускаясь с горы, я вспомнил, что забыл свою штормовку. В её кармане остался мятый червонец. Штормовки уже и след простыл. Правда, я нашёл там дощечку с верёвочками и машинально подобрал её: «Не покупать же у Лёли».

Расстроившись, я проскочил мимо поворота к своему автобусу, и могучей людской рекой был вынесен прямо на Чуйский тракт, к кладбищу. Дед Шукшина с фотографии на памятнике посмотрел на меня сочувствующе. Поняв, что угодил не туда, я вернулся по другой улице и выскочил к школе. Но автобуса на месте не оказалось. «Неужели уехали, не дождавшись?» – со страхом подумал я. – А как же жена? Как она могла допустить такое?!» Ещё на что-то надеясь, я, усталый и брошенный, зашёл на поляну к Катуня, где располагался наш лагерь. Но, кроме красного «Икаруса» змеиногородцев, под тополями никого не было. Змеиногородцы, сидя на мягких сиденьях, опохмелялись. «До Бийска не добросите?» – с надеждой спросил я у шофёра. – «Да ты что? Мы отсюда прямо на Казахстан рванём. Наша самодеятельность устроит там местным пару концертов».

Ничего не оставалось делать, как брести на околицу. Там я, голодный и без гроша в кармане, присел на дощечку на обочине трассы. Было о чём подумать.